

и самымъ недостойнымъ образомъ насмѣялся надъ моимъ довѣріемъ къ нему! Одно изъ двухъ: или я ничего не понимаю, или всѣ понятія перевернулись внизъ головой! Я была такъ смущена этими словами, что не нашлась ничего возразить мамѣ, которая, не давая мнѣ опомниться, продолжала свою рѣчь: «Чѣмъ глубже я вникаю въ сущность дѣла, я тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ его тактичности, потому что онъ рѣшился рассказать о себѣ все невѣстѣ, а не женѣ, которая уже неразрывно связана съ нимъ и поневолѣ должна дѣлать уступки. Теперь, дорогое дитя, ты можешь наилучшимъ образомъ показать своему жениху всю силу женскаго самопожертвованія и довѣрія, простивъ ему великодушно грѣхи прошлаго и заставивъ его своей любовью окончательно вычеркнуть изъ своей памяти все то, что, безъ сомнѣнія, имъ давно и безвозвратно забыто!» Что я слышу? Ни слова о его преступленіи, объ ужасномъ преступленіи, которымъ полна вся его молодость! Мама не нашла ничего сказать объ этомъ, какъ будто бы оно такъ просто и обыкновенно, что я должна безпрекословно помириться съ нимъ.

Когда мама, наконецъ, истощила весь свой запасъ убѣжденій, которыя всѣ сводились къ одному и тому же, пришла Аня и въ свою очередь рассказала мнѣ все, о чемъ мама, какъ мать, должна была умолчать. Отъ нея я узнала, что такъ должно быть и иначе никогда не бываетъ, что природа